

Маргарита Каменная

Анатомия сознания — II

Эссе о свободе воли

Маргарита Каменная

Анатомия сознания – II.

Эссе о свободе воли

«Издательские решения»

Каменная М.

Анатомия сознания – II. Эссе о свободе воли / М. Каменная —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507848-3

Книгу можно рассматривать и как научно-популярную, и как женский роман, и как философские размышления на заданную тему, и как эзотерические заметки по поводу событий жизни.

ISBN 978-5-00-507848-3

© Каменная М.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ, или О чём этот текст	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕТЕРМИНИЗМ, или Слово о детях	11
ГЛАВА ВТОРАЯ. ИНКОМПАТИБИЛИЗМ, Или Слово о детстве	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анатомия сознания – II Эссе о свободе воли

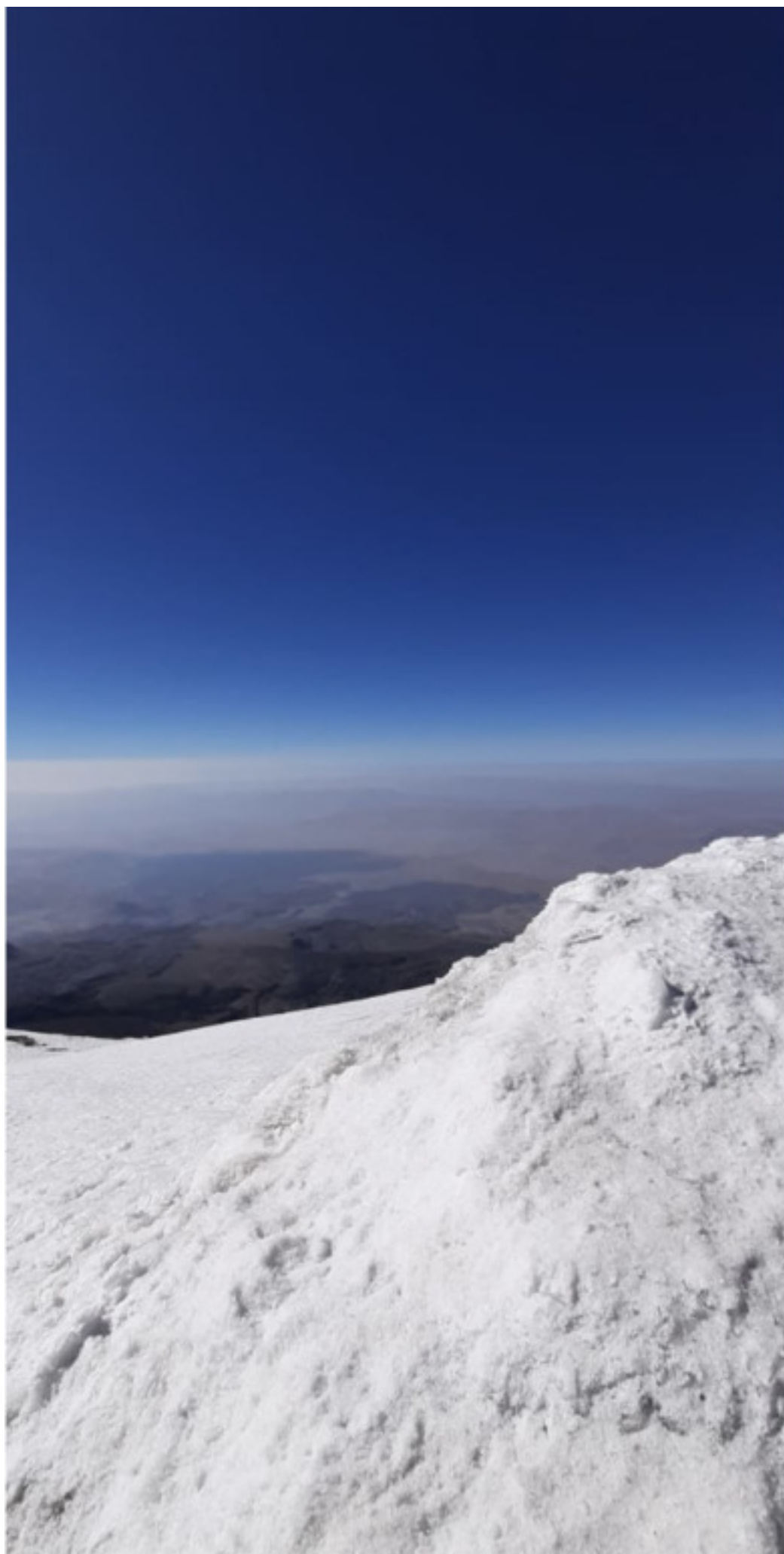
Маргарита Каменная

© Маргарита Каменная, 2019

ISBN 978-5-0050-7848-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-7849-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ, или О чём этот текст

Здравствуй, дорогой читатель!

«Здравствуй, дорогой читатель...» – написала я и зависла в пространстве, потому что не знаю, как продолжать дальше...

Первые строчки, первые слова, первые буквы... всегда затруднительны: высказать мысль, значит задать ей рамки, вложить в строгое русло формы. Однако мысль всё равно заживет сама по себе, побежит всё дальше, дальше и дальше, каждый раз стремясь нарушить границы заданной темы.

О чём я хочу написать – отражено в названии, но получится ли – большой вопрос, но я всё же рискну. Риск – дело добровольное, любопытное, хотя и не безопасное, потому что, когда доберусь до искомого, искомое может мне совсем не понравиться, однако деваться от него уже будет некуда. Что послужило толчком к данному тексту? Этот вопрос будет более верным.

Всю неделю до своего дня рождения я слушала лекции Андрея Баумейстера о метафизике сознания и стяжала свою бездарность, поскольку другой с потрясающей легкостью говорил о предметах моих нелегких дум на заданную тему. Зачем? Мне было интересно. Уж, очень красиво говорил другой!

И вот в свой день рождение, в тишине и спокойствии утра, дослушивая последнюю – итоговую – лекцию, я сильно зависла в пространстве. Не пытаясь пересказать лектора, суть её заключалась в том, что классические воззрения признают за человеком свободу воли, а следовательно, вместе и ответственность за свои поступки, за которые следует наказание или поощрение. Неклассические – современные – воззрения не признают за человеком свободы воли, а следовательно, и ответственности за поступки тоже не признают, а где нет ответственности – нет и наказаний с поощрениями, хотя про поощрения речи не шло. Иллюстрация тезиса была следующая.

Представьте, живет семья из трех человек: папа, мама и шестилетний сын. И вот у мамы день рождение. Папа с сыном покупают пирожное, которое вечером станет украшением праздничного стола, но днем ребенок не может избежать искушения и съедает все сладкое, затем красиво завязывает коробку и ставит ее в холодильник в надежде, что никто ничего не заметит. Однако папа, придя с работы, что-то ставит в холодильник и обнаруживает недостачу.

Действия папы? Действия папы могут развиваться по двум вариантам: классическому и неклассическому.

В качестве параллельного примера лектор привел пример из своей жизни, когда он бы солдатом срочной службы. Товарищи по службе оставили ему на хранение коробку пахлавы и вечером обнаружили стопроцентную недостачу. Действия товарищей? Тут события развивались без вариантов, как говорится, старая добрая классика: «Ах, какой же ты нехороший человек, Андрюша! Мы хотели чай со сладостями, а теперь придется пустой пить. Нехорошо это, Андрюша, нехорошо». Это были, видимо, очень продвинутые молодые люди, потому что, максимально минимизировав свои реактивные установки, они простили виновника, однако пообещали пахлавы на хранение больше не оставлять.

Что же наш молодой отец, обнаруживший пропажу пирожных?

Вариант первый. Следуя классическим воззрениям на свободу воли, отец должен проявить реактивную установку и как-то наказать своего маленького сына: отправить спать, лишить гаджетов или сладкого на целый месяц, воззвать к совести – одним словом, провести воспитательные работы. Вариант второй. Следуя неклассическим воззрениям и помня, что ребенка искушала любовь к сладкому, которой он противится не в силах, наш продвинутый отец сдерживает свою реактивную установку и предлагает сынишке снова отправиться в мага-

зин за пирожными, то есть просто решить проблему, ибо без пирожных праздник будет неполным.

Это была легкая и смешливая иллюстрация к серьезным проблемам, над которыми ломают головы умные люди. Продвинутой папа идет с ребенком в магазин, потому что знает: свобода воли – это иллюзия. Продвинутые солдаты тоже это знают, поэтому лишь красочно описывают последствия и вытекающие из них следствия за «тихушничество»... и тут я расмеялась.

Я долго смеялась. Я несколько раз принималась смеяться, когда вдруг в моей голове впервые в жизни возникла картинка альтернативного прошлого: «Милый, ты мне изменил? Ну, конечно, я все понимаю: это был не ты, это все твой мозг устроил. Свобода воли – это иллюзия...» О, как это было весело! Я очень пожалела, что не была столь продвинутой когда-то, ибо лишила себя такого веселья: «Что теперь нам с тобой делать, малыш? Идем в магазин за матрешкой! Не хочешь матрешку? Тогда мартышку? И мартышка не по душе! Скажи мне, мальчик, кого приготовить мне на обед?» Эта картинка от души повеселила меня, поскольку сама в себе содержала спасение: «милый» носил эпитет бывшего, поэтому мне было весело представлять его бывшую физиономию, с которой разговаривала «Я» - настоящая.

Однако пора было собираться на работу, и мысль, так насмешившая меня, осталась недодуманной, затем в дороге потерянной, но где-то по пути вспомненной. Ситуация «милого» требовала додумывания.

Было утро. Суббота. Путь на работу, но думалось мне совсем не о ней. И я позволила себе роскошь: моя свобода воли за счет свободы выбора другого, отчего, зайдя в класс, тут же напутствовала «детей»:

– Я правильно понимаю, суббота, у всех свои дела, заботы? Короче, у вас есть десять минут, чтобы решить, чем мы сегодня занимаемся – своими делами или... работой?

Через десять минут я поднялась в аудиторию с кофе, чистыми листами бумаги, ручкой, карандашом, ластиком и, открыв окно, села за рабочий стол додумывать мысль. Суббота мне подарила выходной, дети – свободу, а день рождение – мысль к обдумыванию.

Кто мне подарил через смех такую трудную мысль и зачем? Это нам предстоит, читатель, узнать с тобой вместе, когда доберемся до заключения. Мысль – штука тонкая: не думать – нельзя и думать – нельзя, если не готов к последствиям; думать плохо – дважды нельзя, думать хорошо – всегда должно, но очень трудно. А кто решает: что – хорошо, что – плохо? А кто решает: что – должно, а что – нет? Полагаю, это лишь первые вопросы, за ними потянется – вереница.

Рассуждать, читатель, мы станем теоретически, а вот иллюстрировать теорию мне придется практически – ситуациями из жизни как сданными в архив, так и текущими. Свои случаи ты подберешь и подставишь сам. Смею надеяться, что ты пойдешь со мной до конца. Обещаю стараться и не позволять тебе скучать. Однако должна предупредить, нам предстоит весьма опасное путешествие: я не знаю куда уведет нас мысль и как это отразится на жизни. Мы идём туда – не зная куда, идём за тем – не зная зачем, найдём то – не зная что. Мы обязательно куда-нибудь да придём, что-нибудь да найдём, а вот сколько, что и кого потеряем в пути – это вопрос, большой вопрос. И чтобы нам легче было продвигаться в дебрях долгих рассуждений, позволь мне представить героев – иллюстрантов повествования и сказать пару слов о себе.

Я начала этот текст в первый день сорок первого года своей жизни за столом в одном из частных московских колледжей, где работаю преподавателем русского языка и литературы. Поэтому часто в повествование будет вплетаться слово «дети» – детям от шестнадцати и выше. Также будет встречаться слово «сын» – этому герою двадцать два. Будет пробегать слово «подруга»: и это либо моя Юлька, школьная подруга, наперсница дней суровых, ставшая врачом, либо Джана – человек, которого подарил мне мир, когда я потеряла для себя Юльку. Слова «папа», «мама», «сестра» – это моя семья. Все остальные герои – ситуативно.

Теперь о героях трудных. Слова «мозг», «сознание», «тело», «культура», «миф» – эти мои любимцы будут чаще иных гулять по строчкам текста, они не жуткие, но очень – трудные. Я постараюсь быть точной употребляя их. Слов, которых не понимаю, постараюсь избегать. Умные люди пишут очень умные книжки, и мой мозг часто ломается, отказываясь их понимать, и в моей голове – каша. Ох, уж мне эти умные люди – ученые! Какие жуткие и трудные слова они знают, а как легко ими жонглируют! Прости, читатель, я не умный человек, поэтому как дурак, всё познающий на своих ошибках, могу прицепиться к какому-нибудь очень «тёмному» для меня слову или мысли... и мучить тебя и себя этим. Прости заранее...

Какая у нас цель? Решить вопрос: есть ли свобода воли у человека или нет? Зачем?

На этот вопрос у меня пока нет ответа...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕТЕРМИНИЗМ, или Слово о детях

Почему родилось «Слово о детях»? Потому, что в умной и хорошей книжке Ларса Свендсена «Философия свободы», мне вычиталось:

«В Средневековье был проведен целый ряд судебных процессов над животными. Одним из наиболее известных примеров является случай во французском городе Савиньи, где в 1457 году свинья была осуждена за „преднамеренное и безжалостное“ убийство пятилетнего мальчика. Более того, на скамье обвиняемых оказалась не только сама свинья, но и шесть ее поросят. В соответствии с принятой практикой судопроизводства, свинье и поросятам был назначен адвокат, произносивший речь в их защиту. Спасти свинью ему не удалось, однако поросята были оправданы несмотря на то, что их застали на месте преступления перемазанными в крови жертвы. Смягчающим обстоятельством послужил их юный возраст и тот факт, что они пошли на преступление под влиянием матери. Надо отметить, что на других подобных процессах обвиняемым часто выносился обвинительный приговор в числе прочего и потому, что они громко хрюкали и проявляли всяческое неуважение к суду. Количество подобных судебных процессов достигло кульминации в начале XVII века, однако они продолжали совершаться еще многие десятки и даже сотни лет: последние примеры относятся уже к XX веку».¹

Могла ли я этого не прочесть? Могла, так как книг по теме свободы воли очень много: и в этом море литературы можно утонуть. Однако эту я открыла после двухнедельного перерыва моих штудий на данную тематику, что называется, по случаю. Это было в последний день мая, когда, счастливо простившись с учениками, я наконец-таки могла полностью посвятить все свое время желанным занятиям. В этом двухнедельном промежутке мысль моя, конечно, все равно, так или иначе, кружилась вокруг свободы и разных понятий с ней связанных: воля, сила, мозг, сознание, интеллект, инстинкт и так далее. Почему? Я решала для себя вопрос о свободе воли, а заодно проверяла теории – практикой.

Могла ли я этого не прочесть? Нет, не могла! Беглый просмотр книги привел меня в возбужденное состояние: наконец-то мне встретился автор, чьи мысли о свободе воли были приятной мелодией, поскольку в них я нашла подтверждение своим, то есть, проще говоря, я подсознательно искала информацию, которая бы помогла мне укрепиться в своей точке зрения: мне нужна была апелляция к авторитетному мнению, и я ее нашла. Во мне все встрепенулась к радости, когда я прочитала:

«Насколько нам известно, некоторые онтологические уровни скорее детерминированы, а некоторые скорее недетерминированы. Мы не имеем ответа на самый важный вопрос: детерминирован или нет человек. Вследствие этого мы не можем отдать предпочтение одной из описанных концепций свободы».

– Ну, да... точно... так оно и есть... – однако этому воплю согласия предшествовало долгое думание над одной из своих жизненных ситуаций, но вот в такое красивое и емкое слово весь её смысл облек другой.

¹ Свендсен, Л. «Философия свободы». – М.: Прогресс-традиция, 2016

Это случилось в прошлом учебном году, осенью, в третий год моей работы в колледже; мне было тридцать девять с половиной.

Это была группа ХХХХ мальчиков программистов. Это была очень тяжелая группа, где все дети оказались как на подбор с огромным фрейдистским эго и напрочь отсутствующим сознанием, то есть они очень много о себе мнили и мало смыслили, однако я поняла это далеко не сразу. Здесь со мной шутку сыграла моя некая априорная установка: все люди – это человеки, все дети – это люди, но некоторые из них еще недовоспитались до человеков. Патристического пафоса к жизни мне никогда было не занимать, и в тот год жизнь предоставила мне широкое поле для довоспитания.

Впервые я заподозрила, что что-то не так на уроке литературы, когда, поотбирив телефоны, невероятным усилием воли заставила детей молчать и слушать себя. И вот в короткий момент тишины, когда мне удалось добиться внимания к предмету, дверь в аудиторию отворилась, и какая-то женщина попросила выйти на пару слов. Я подошла и, встав в простенке, поинтересовалась, что ей нужно, параллельно наблюдая за начинающим волноваться морем детских затылков: женщине нужен был список литературы для одного из моих нерадивых прошлогогодних учеников. Я сослалась на занятость и попросила ее подойти на перемене, но она оказалась неприятно настойчива, поэтому мне пришлось быстро проговаривать основные произведения классиков, понимая, плакала моя дисциплина. И тут я краем глаза замечаю, что один из учеников – Е.С., уловив момент, стал продвигаться на полусогнутых к преподавательскому столу за своим телефоном:

– На место! На место я сказала! Сидеть! Быстро!

Стекла в аудитории дрогнули, дети вжали головы в шеи и затихли, Е.С. от неожиданности присел, у пришедшей подкосились колени, а я офигела сама от себя и перевала взгляд на мамашу:

– Да-да... я понимаю... я позже... на перемене... потом... как-нибудь найду... да-да... найду... – залепетала просительница.

Кивнув, я закрыла дверь и направилась в полной тишине на место, страшно гордясь собой: о, как могу!

Второй раз странное случилось на уроке русского, когда двое оболтусов – уже известный Е.С. и А.Д. – наперегонки изощрались в дурном словоблудии, но не просто так: они блудили словами, смысла которых не понимали, но в своей непосредственной обжорливой радости множили мерзость запустения. Это тоже была моя вина: не оценив уровень умственного развития группы, я задала домашнее задание, которое позволяло при желании давать пошлость трактовок. Что за задание?

Обычная скучная тема синонимов и антонимов в русском языке становилась куда веселее, когда дети, получив классический анекдот про Ольгу и отца Онуфрия в окрестностях Онежского озера, вставали перед необходимостью придумать максимальное количество синонимов к словам «очаровательная» и «отвратительная», которыми я заменяла слово «обнаженная». Победителю обещались две пятерки, за пятьдесят синонимов – автомат в семестре, за продолжение истории еще одна оценка при условии, что все слова будут на «о» и сюжет некрамольный. Два года это задание вызвало бурный и смешливый отклик, все были счастливы.

И вот на третий год я сталкиваюсь с пошлостью, которая осознается моими оболтусами как достоинство и умение быть душой компании. Впрочем, шок я испытала, когда поняла, что в слово «отросток», которым отец Онуфрий охаживал Ольгу, А.Д. вкладывали смысл «молодого побега растения», однако функции он выполнял совсем не растительного содержания. В этот момент во мне все смешалось – люди, кони: резко осадив А.Д., я не стала прояснять

смысла действий отца Онуфрия и сменила тактику в группе, перестав заниматься импровизациями в рамках заданных тем.

Третий раз странное случилось на перемене: ко мне подошел Е.С. и, показав фото на телефоне, спросил:

– Это же вы?

Я взяла телефон и, бегло взглянув на фотографию, согласно кивнула. Это была моя давняя аватарка из Контакта: там молодая женщина, закрыв глаза, счастливо улыбалась солнечному свету, пробивающемуся сквозь молодую зелень сибирского парка.

– Я так и думал, – ответил он и, забирая телефон обратно, инстинктивно, то есть неосознанно от слова «совсем», сотворил в пространстве излюбленный жест Майкла Джексона, отчего в моей голове тут же пронеслась картинка из какого-то комедийного сериала с участием Кортни Кокс.

Этот жест у Е.С. был инстинктивный и уже давно неприятно резал мне глаз, порой так и хотелось язвительно посоветовать детенышу читать побольше, а рукоблудить поменьше, но его преданный взгляд, попытки к разговору и желание понравиться смягчали, заставляя снисходительно терпеть излишне впечатлительного мальчика: я умела впечатлять, так что это была моя вина.

Е.С. ушел, а я несколько дней гасила с себе отчаянный смех с горечью негодования: конечно, приятно ощущать себя желанной, но не таким же способом. Высыпав тазик пепла на голову и обругав себя, как только можно, я перестала смешливо улыбаться всем и особенно Е.С.. Подобная мерзость в моей практике случилась впервые. Что я чувствовала? Унижение, и чем больше времени проходило, тем сильнее оно становилось и, разрастаясь, словно раковая опухоль, пересиливало не только мой горький смех, но и дурное самодовольство, ибо как бы я не хотела себе в том признаваться, но Е.С. был моим наказанием за Ванечку... и никакое самоотрицание мне не помогало.

Это было последнее третье предъявление того, что надо остановиться и подумать хорошенько над происходящим, но я не прислушалась к этим сигналам. Почему?

Вот записи из моего дневника того периода:

«25 сентября. О работе... Пошла третья неделя. Устаю, но счастливо и плодотворно. Третий год: моя беспрестанно шутит; дети, к удивлению моему, слушаются, а иногда, завалившись всей группой, чтобы сказать, здравствуйте, М.Г., приводят в смятение; к лекциям еще не готовилась по-настоящему, живя за счет прошлых сует».

«07 октября. Работа... Шесть дней в неделю + репетиторство: следующая уже без выходных. Начались вечерники и заочники, и я не могу сбежать раньше времени, так как они просят, видимо, еще с непривычки, проводить все в полном временном объеме. В положительном самолюбовании так и хочется заметить: им нравятся мои лекции, ну, просто бла-бла-бла...

Для маленьких детей (первый курс) моя слава идет впереди меня: второй курс просто в восторге, что малышей ждут те же испытания, которые выпали на их долю горькую в прошлом году, когда мы вели войны за чистоту языка. Вижу: с какой легкостью покоряется старший курс, если попадаете; с каким трудом и сопротивлением подчиняются младшие; и что для одних – смех, другим пока – мука».

Я заигралась, натурально, заигралась в «клевую училку»: мне нравилось видеть не только плоды трудов своих, но также и ощущать уважение, когда, проходя мимо длинным коридорами, только и слышишь: «Тихо! Тихо! Она идет!»; мне нравились глаза старших детей, которые смотрели с первых парт и внимательно слушали; мне нравилось шутить и вспоминать прошлогодние проказы, когда забыто все дурное и трудное. Дети за лето сильно меняются: они каждый раз приходят новыми, их приходится открывать заново, но это уже приятное общение, построенное на базовом доверии и знании другого. Исходя из опыта, я думала, что справ-

люсь, поскольку первая половина года всегда обычно уходит на привыкание к новым условиям и обстановке.

И все бы, может быть, и ничего, но... А.Д. не успокоился и продолжал импровизировать в рамках доступных ему тем, отчего спустя короткое время на очередном уроке я «вызверилась»: и это был уже тормоз. Что случилось?

А.Д. принялся доказывать, что он крутой программист, поэтому в гробу он видал и русский язык, и литературу, и вообще всю эту культурную галиматью. Нет бы оставить ребенка в покое: я попыталась убедить А.Д. в необходимости галиматии, решив зайти с его поля, благо сын учился на программиста, поэтому некоторым дилетантским словарем в этой области я владела и, хотя ситуация была щекотливой, бросилась в бой. Названий трёх базовых языков программирования с просьбой объяснить их концептуальные различия хватило для того, чтобы меня в полу-явной форме послали туда, где и Макар с телятами не был. А.Д. не только не знал концептуальных различий, он не знал даже названий этих языков, однако принялся доказывать, что я просто лох. Это привело меня в некоторое замешательство, так как я могла просто неверно сформулировать вопрос в неизвестной для себя области, но я все равно попыталась вернуться к предмету нашей дискуссии, намереваясь доказать, что русский язык, как минимум, необходим для умения излагать свои мысли:

– Подождите, давайте снова. Расскажите мне о различиях между Питоном и Ассемблером так, чтобы даже я сумела их понять, – осторожно начала я.

Однако А. Д. вновь сумел выкрутиться, превратив меня в «лоха чилийского», когда свел предмет нашего высокоинтеллектуального дискурса к деньгам, бабам и их месту в этой жизни. Я как «лох чилийский» попыталась снова вернуться в русло заданной темы, но А.Д. привел и здесь контраргументы. Я не помню его контраргументов, потому вызверилась, то есть позволила себе проявить реактивную установку в полной мере. Что сделала?

Не переходя на язык А.Д., моя стала доказывать этому нерадивому мальцу, что он есть «ничтоже» без эпитета «сумнящееся». Филиппика моя была страстна настолько, что все дети запомнили ее, как один. Речь моя была продолжительная настолько, что я сумела поймать в себе ощущение абсурдности ситуации: адресат ни слова не понимал. А также уловить мысль, родившуюся вне меня, словно пришедшую из пространства:

– П*** (слово матерное)! Накажут!

Я резко остановилась, на полуслове, и в классе на какое-то мгновение воцарилась абсолютная тишина, так что я сумела и осознать, и запомнить эту пришедшую из ниоткуда мысль: «Накажут, нет, за это просто убьют», ибо с моей стороны подобная реакция была непозволительной роскошью. Когда пространство зашевелилось и А.Д. попытался что-то сказать в свою защиту, я вежливо попросила его заткнуться и не открывать больше рта – никогда. Это язык А.Д. понял. В аудитории стояла тишина.

– Знаете... – начала я, глядя куда-то в пространство, поверх детских голов. – Когда я была совсем ребенком... то как-то дядя меня взял на свиноферму... там я впервые увидела огромную свиноматку... она лежала на боку, а возле нее копошились маленькие, чистенькие, розовенькие поросята... это впечатление было настолько сильным, что я до девятого класса всем говорила, что хочу стать свинаркой... все надо мной смеялись, но это была мечта...

– А почему стали учителем?

Я очнулась и улыбнулась детям: Слово было озвучено, ситуация стала.

– Выросла и передумала...

Мы рассмеялись: инцидент с А.Д. был исчерпан.

Однако «Слово о мечте» я не потрудились додумать до конца: это была ошибка. Почему я этого не сделала, когда могла? Кроме детей у меня был и другой ворох забот и хлопот, требовавших внимания. И вот в этом самом ворохе я и закружилась: много мыслей в тот период во мне оставались недодуманными, в Слово не облеченными. Я не остановилась, даже когда,

спустя некоторое время после инцидента с А.Д., ехала в метро и вдруг! снова «поймала» мысль: «Ты заболеешь смертельной болезнью...»

Мысль эта упала в меня и уже никуда не уходила, я ее постоянно помнила, но ничего не делала, просто носила в себе: в метро закрывалась платком, чтобы не подхватить туберкулезную палочку – и это всё, несмотря на то, что жизнь вокруг меня обращалась в хаос, которого, конечно, никто не замечал, кроме меня, поскольку у каждого из нас – свой мир. И мой мир вскоре рухнул:

«09 декабря. Дела и события перед Новым годом...

– ошиблась с Л.Г. в употреблении местоимений: стресс...

– трижды «вызверилась» на детях: стресс...

– п-ое количество раз привела в пример детям своё «вызверивание»: стыд...

– «вляпалась» с философией: детский сад, глупость, дикость, стресс...

– раздражаюсь многими людьми: нервозность, стресс...

– и т.д., и т. п.

Напряжение в последних неделях и постоянное стрессовое состояние начали переходить в разрушение и глупости вокруг и около пространства жизни. Отсутствие стабильности внутренней стало выражаться в хаосе внешнем».

«15 декабря. Послание сыну... Привет, сын. Я в больнице, у меня все хорошо, так как если будет плохо, то тебе об этом сообщат.

Пишу на случай, если нам больше не придется с тобой поговорить...

Во-первых, помни и знай, что я тебя люблю. Мне было радостно и гордо быть твоей матерью.

Во-вторых, знай, я считаю тебя очень, очень талантливым человеком. Живи так, как подсказывает тебе твое сердце, а сердце у тебя большое и доброе, то есть созидательное и золотое.

В-третьих, обо мне помни, но не печалься: я прожила хорошую жизнь. Жаль только, что не все успела доделать, но и это глупости: ты сумеешь сам распорядиться всем и даже лучше.

А теперь о суете:

– в тумбочке под принтером, в черном портфеле, документы...

– ...

Завещание

Я, ..., находясь в здравом уме и трезвой памяти, без какого-либо внешнего принуждения, сообщаю после себя следующее...».

Что же во мне вызвало бурю восторга от чтения «Философии свободы» Ларса Свендсена, когда я дошла до строчек в заключении главы:

«Насколько нам известно, некоторые онтологические уровни скорее детерминированы, а некоторые скорее недетерминированы. Мы не имеем ответа на самый важный вопрос: детерминирован или нет человек».

Надо заметить, Свендсен пишет красиво и понятно, словно читаешь захватывающий роман; он не кидается через каждое легкое слово трудным и рассказывает сложные вещи легким языком, а вот соглашаться с ними или нет – это дело выбора. Лично меня и позиция автора, и его уважение к своему читателю – очень вдохновляли.

Что значит детерминирован человек или нет?

Если под детерминизмом мы подразумеваем учение о взаимосвязи и взаимообусловленности всех явлений окружающей нас действительности, тогда человек как объект этой дей-

ствительности тоже обусловлен. Получается я не могла в огромном море литературы не найти книги Свендсена – это было неизбежно. Ладно, эта неизбежность мне нравится: я не возражаю. Однако почему эта книга не попадалась мне, скажем, в середине апреля, в свой день рождения, когда во мне только родилась идея текста? Почему мне попадались другие книги, одна из которых привела меня в бешенство? Почему вообще во мне родилась идея написать это эссе? Исходя из логики взаимообусловленности человека с окружающим миром, можно сказать: все это было предопределено. Если дальше продолжать в том же духе, то можно договориться о фатуме или роке; о том, что человек – игрушка в руках судьбы или богов; о мире, где все действия наши от рождения до смерти от нас не зависят, и мы обречены прожить некую уже запрограммированную кем-то жизнь – «на роду написанную». Следовательно, человек – детерминирован и *несвободен*.

Если оставить книгу в покое, то поведение моих детей также обусловлено возрастом, семьей, окружением и так далее, получается, они не могли вести себя иначе. Выходит, и я не могла на них не вывериться, поскольку в итоге реактивная установка перевесила объективную, заставив забыть, что они просто дети, отчего вся моя учительская этика полетела в тарта-ра-ры. Ладно, пусть так.

Но как объяснить, что эта группа была, что называется, на подбор? Ну, конечно, не все красавцы, не все богатыри, зато шумливой, глумливой и беспечной дерзости им всем было не занимать. Обычно в группе попадает пара-тройка шумных и дерзких оболтусов, которых приходится жестко осаживать и призывать к дисциплине, в то время, когда остальные быстро привыкают к правилам. Это была зеркальная группа: призвать ее к порядку не представлялось возможным. Получается, что кто-то или что-то собрало всех шумных детей в одном месте, как в анекдоте про паром и грешников. Скорее да, чем нет.

Почему я так говорю? Моей трехлетней статистики по наблюдению за детьми², конечно, мало, но все же: за первые два-три месяца в голове каждого учителя обычно складывается некий образ группы, как единого организма, которому присваивается тот или иной эпитет. Потом довольно интересно соотносить свои впечатления с впечатлениями коллег: часто они совпадают, в результате чего появляются «хорошие», «любимые», «адекватные», «ленивые» или «невменяемые» группы. В тот год пришли – звери, но я в своем патриотическом запале и одержимая другой моноидеей, видимо, плохо слушала коллег. Думаю, так было всегда: учась в средней школе, я очень хорошо запомнила фразу своей учительницы по математике о том, что за работу в девятом N нужно молоко за вредность давать. Фраза была брошена мимоходом через смех кому-то ещё – другому учителю, взрослому; я просто проходила мимо, и меня это тоже насмешило, понравилось. Не уходя большим социальным образованиям, где можно проследить законы развития, наверное, и я могу задаться вопросом: кто или что распределяет детей по классам так, что они друг другу весьма подходят по поведению, образу мыслей, интересам? Причем надо заметить, что здесь нет личного вмешательства детей или родителей, так как распределение идет слепым методом по алфавиту, по спискам поступивших, и в девяносто процентах случаев остается неизменным, поскольку переходы из группы в группу не являются массовой практикой. Кто же так хорошо нас слушает: наша судьба или рок?

Можно предположить, например, что ангел-хранитель каждого ребенка приходит в деканат и следит за тем, чтобы его подопечного направили в нужный класс. Это, конечно, бред... но, если бы это было так, то получается, что каждый ребенок говорит своему ангелу о желании и тот передает его просьбу таким же ангелам, которые принадлежат сотрудникам учебной части. И эта смешная двойная бухгалтерия, разрушает логику предопределенности и взаимной обусловленности всего и вся: пусть не мы напрямую, но за нас просили и хлопотами

² мне не хочется точно считать, поскольку это не имеет большого значения: в среднем новый учебный год начинался со знакомства с двумя сотнями ребят.

по нашим просьбам и желаниям. Выходит, что человек и недетерминирован, и *свободен*, просто за него хлопочут ангелы-хранители. А если слово «ангел-хранитель» заменить на слово «мысль», «мозг» или «сознание»? Тогда мы получим популярные научные и полунаучные теории о материализации наших мыслей.

Следовательно, поведение детей обусловлено их желаниями, и при желании они могли бы вести себя иначе. И я могла бы не ругаться, если бы не впала в иллюзию о себе самой. А.Д. не поддержал моего тщеславия, а я его. Мы столкнулись на одной мировоззренческой «кочке», и я как более сильная задавила ребенка, восстановив своё самолюбие за счет слабого. Обижать маленьких – это грех. Это мое убеждение, пусть и вложенное воспитанием изначально, но все-таки моё, поэтому «сверху постучали».

«Сверху постучали»: я остановилась, а А.Д. самодовольно решил, что вывел меня из себя. Если бы я изначально отдавала себе отчет в поведении, в каждой своей мысли и не утратила бы объективности, то «зверения» не случилось бы. Однако я оставалась глуха, хотя «сверху намекали» – трижды.

При этом первый раз, когда я только-только возвращалась к своему столу посреди притихших детей, в моей голове пронеслась четкая смешливая мысль: не ребята, а зверята; не воспитание, а дрессура; я укротитель. Это была мысль-картинка на уровне интуиции: четкая, ясная, моментальная. Второй раз я получила весьма серьезное впечатление, когда обнаружила, что человек может произносить слова, но не подразумевать за ними смысла. Это было интеллектуальное удивление. Последний случай пробил меня эмоционально: мне было столь стыдно и неловко перед собой, словно допустила грех зоофилии. Конечно, я так это не классифицировала, но чувствовала именно так. Е.С. был долговязым, прыщавым, полноватым, немытым мальчишкой с глазами навывкат, поэтому от одного представления, чем он занимался, глядя на фотографию, меня перетряхивало от безразличия.

Однако в самолюбии я окончательно утратила объективность и не слышала сама себя, когда то ли мой мозг, то ли сознание сначала намекали, а потом – ударили по телу, резко изменив событийный ряд жизни. Конечно, не у всех так радикально решаются ситуации, но со мной именно так. Меня закрыли на неделю в палате, лишив всех дел и детей, чтобы я наконец-таки остановилась и хотя бы просто подумала над своей жизнью. И бог с ней, с метафизической свободой воли, как глобальным концептом бытия для всего человечества, просто над своей личной жизнью и отношением к другим.

Что же с книжкой Свендсена? Получается, что и её мой мозг или сознание держали до момента, когда я стала готова оценить и понять её в полной мере, а до этого тренировали на других авторах, заставляя прояснять мысль. Ну, можно сказать и так, ведь бы я не «поругалась» с Сэмом Харрисом, то, действительно, многое бы могла пропустить и у Свендсена:

«Насколько нам известно, некоторые онтологические уровни скорее детерминированы, а некоторые скорее недетерминированы».

«Некоторые онтологические уровни... некоторое онтологические уровни... некоторые онтологические уровни...» – зацепилась мысль за строчку и стала ее кружить где-то в голове, пытаясь облечь в слово.

Человек явно существо сложное, иначе бы не было вокруг и около него столько споров и рассуждений. Мы живем с ручками, ножками, глазами и ушами во вполне овеществленном мире других вещей – это один уровень; а наши мысли живут еще где-то... ну, явно не совсем в голове, хотя через нее проходят, – это другой уровень. И эти два уровня друг с другом взаимосвязаны весьма сильно, ибо человек без головы – покойник, а без мозга – не совсем человек. И на первом уровне человек получается детерминированным, то есть взаимообусловленным со всем окружающим его миром и от этого нам никуда не деться, а на втором – нет, ибо мысль летает, где пожелает. В философии эти уровни называются: онтологическим – это мир мысли,

сознания, бытия; и онтическим – это мир каждой проявленной вещи от какой-нибудь мышки до меня, которая сейчас пишет эти строчки.

Я уже много раз в этой жизни смеялась, говоря, что у Бога прекрасное чувство юмора: он исполняет все наши мечты. Если перефразировать, то на онтологическом уровне человек недетерминирован и свободен, а на онтическом – детерминирован и несвободен, поскольку все, что он придумал в своей голове в итоге так или иначе исполняется в реальности его жизни:

– Ты хотела быть свинаркой: получите – и распишитесь!

– Но постойте! Ведь я же уже передумала?!

Что еще мне понравилось у Свендсена? О, многое. Я полностью согласилась, что о сложных вещах в этой жизни надо думать и додумывать их до конца, иначе можно оказаться в Склифе или стать свинаркой, когда того совсем не ждешь, и посчитать это крутым подвохом по жизни. Правда, у умного человека это звучит как-то так:

«Кроме того, метафизическая свобода воли, похоже, тесно связана с ощущением осмысленности бытия, которое возникает тогда, когда мы верим, что наше будущее и будущее окружающих зависит от наших действий, что мы можем что-то изменить в этом мире».

Однако трактовка «свободы воли» как «свободы действия» заставила меня несколько поерзать, но и это я приняла. Просто в моей голове жила уже несколько иная формулировка: свобода воли – это Слово-Логос, где за греческим словом «логос» я разумела и речь, и мышление, и понятия – сознание, одним словом. В общем, то, что проявилось в ситуации с детьми как послания про «накажут» и «заболеешь» – предупреждения, да что там прямые угрозы, которые я спустила на тормоза и не послушалась. Что это было?

Это было прямое принуждение, как сказали бы ученые от нейронауки, моего мозга, для которого человек – игрушка или предмет манипуляций. Ну, дальше естественно доказывается: манипуляция – это грех, насилие и зло, с которым надо бороться. А с кем бороться? Со своим мозгом, который тебя предупреждает об опасности?

Ох, как таких книжек много сейчас. И спорить-то с ними очень трудно, ведь их пишут умные люди – ученые, а им ведь нельзя не доверять. Дети доверяют родителю, взрослому, учителю, а взрослый родитель и учитель доверяет авторитету – умному взрослому, который не просто много знает, а знает как правильно.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ИНКОМПАТИБИЛИЗМ, Или Слово о детстве

Вчера наступил май. Первый майский день я провела в тишине и спокойствии, в одиночестве и молчании, посвятив его Дику Сваабу и его книге «Мы – это наш мозг». Дик Свааб зашел чудненько, можно сказать, я с ним не спорила, а соглашалась, понимая, что так тоже можно: стоять на твёрдой почве материализма и проводить мысль об усложнении материи, эволюционировавшей от простейших до человека; что все сознательные, бессознательные, психические и прочие спиритуалистические, или духовные, процессы, можно объяснить физически и физиологически; что наш мозг – это наш кукловод, который задает наш образ ещё до рождения в утробе матери, программирует после рождения и во время жизни, а также принимает решения, сообщая нам об этом с задержкой. Вчера я была влюблена в профессора Свааба, и особенным уважением во мне отзывались его идеи и проекты о добровольном уходе людей из жизни, если те слишком больны, беспомощны или просто решили, что их жизнь подошла к финалу.

– Главное – не умереть, а умереть – достойно, – довольно часто в этом учебном году я проговаривала данную фразу своим студентам. Дети слушали, но не слышали. Падала мысль в основном на дорогу да в терние, но возможно где-то и в добрую почву. И прорастет она из гречишного семени лет так через двадцать, чтобы облечься в решение, которое примет за нас наш мозг еще до того, как мы об этом подумаем.

Укладываясь спать, я думала: действительно, мозг наш – это рояль, как говорила Татьяна Черниговская, или фортепьяно, или скрипка, или балалайка, короче, кому как повезет, но кто, собственно, играет на инструменте? Кто исполняет мелодию? Кто музыкант, один словом?

Дик Свааб и все умные люди, на которых он ссылается в своей книге, изучает, по верному замечанию Андрея Баумейстера, либо сломанный инструмент, либо с дефектом. А можно ли по руинам восстановить архитектуру здания? Да, можно, но это будет один из реконструированных образов, восстановленных с учетом культурной традиции, стиля, местности и времени постройки. Образ здания будет находиться в контексте культуры. И если мы находим руины в центре Европы и решаем, что они относятся ко времени пламенеющей готики, вряд ли в реконструированном образе наши камни примут вид первобытной пещеры. Но по какому образу ученые, исследователи-когнитивисты, реконструируют мозг? Проваливаясь в сон, я пыталась выяснить связь между собой и моим мозгом: кто кому из нас принадлежит: я мозгу или он мне?

В книге профессор размышлял о религии и ее установках, приводя одним из частных примеров устаревшую традицию мужского и женского обрезания. Про мужское обрезание я была несколько осведомлена, и поэтому оно меня не заинтересовало; а вот женское... с этим я прежде не сталкивалась, и поэтому решила «погуглить», прояснить для себя схему процесса. Первых трех строчек мне хватило для того, чтобы согласиться с профессором об изуверстве процедуры, но вот я решаю посмотреть картинки. Мне интересно, возможно ли, чтобы вездесущий интернет наглядно представил такое зверство. Соглашусь с Диком Сваабом: мой мозг дал мне команду – посмотри! Это особенность моего мозга: он любопытен, что-то там в нем сложилось таким образом, поэтому ему всегда интересно получить ответ, если он вдруг набредет на вопрос, или с энтузиазмом взяться за новую задачу, которую вдруг подкинет мир. Мой мозг любопытен, и я к этому привыкла.

Соглашусь, дальнейшее поведение тоже было совершенно инстинктивно, я не могла отреагировать иначе. Мне хватило трех картинок, чтобы резко застучать ладонями по столу и, закрыв глаза, глухо замычать, стараясь сдержать крик, который бы перепугал моих соседей.

Думаю, тарабанила я секунд пятнадцать, но сдержаться так и не смогла, поэтому, резко схватив полотенце, закрыла лицо и закричала, дав волю слезам. Это была чисто инстинктивная реакция, также заложенная в моем мозгу тем или иным образом, однако эту мелодию страдания я разучивала многие годы, и вот теперь легким и быстрым этюдом проиграла, чтобы, пережив эмоциональный всплеск, вернуться к чтению как ни в чем ни бывало.

Мелодия: кто играл ее? Ее проигрывало мое тело, словно патефон, в который вставили знакомую пластинку: напряжение в мышцах и пальцах рук, сжатые скулы, губы, суженные глаза – физическая память боли; глубокие вдохи и выдохи, но вот слезы, крик, расслабление. Ее проигрывали эмоции: отторжение, неприятие, нежелание впускать в себя страдание неизвестной девочки, память – больно, жестоко, бессмысленно. Думаю, её проигрывал и мозг всплеском активности, которая, наверняка, отразилась бы на томограмме. Однако этого я утверждать не могу, ибо когда я говорила, что у меня шевелятся мозги, то подруга мне обычно отвечала, давление, и советовала попить таблетки. Следовательно, мелодию проигрывали мы с мозгом в «четыре руки». А если сюда добавить моё тело и эмоции, то рук получится больше. Или они тоже принадлежат мозгу?

Я помню, как они – мое тело и эмоции – разучивали эту мелодию, и какофонию, которая у нас получалась, тоже помню. Партитура есть, исполнители есть, инструменты были. И почему мы с мозгом не наслаждались музыкой? Кому она не нравилась: мне, у которой то слезки текли, то нервишки шалили, или мозгу, который утомился взрываться всеми зонами Брока и Вернике? И последнее: кто для нас с мозгом выбрал эту мелодию страдания? Или это мы так сами себе удружили?

Почему я об этом пишу? Потому что сегодня утром, открыла следующую книжку «Свобода воли, которой не существует» Сэма Харриса, и она у меня не просто не зашла, а с первых страниц вызвала стойкое эмоциональное отторжение и интеллектуально-интуитивное неприятие, хотя автор придерживается таких же взглядов, что и Дик Свааб.

Что же вызвало во мне столь сильное противоречие, несмотря на вчерашнее очарование профессором Сваабом? Харрис первым примером тотального диктата мозга и безволия человека привел историю жестокого убийства семьи двумя мужчинами, которые в детстве пережили много бед, поэтому в момент совершения преступления просто не имели «сознательного намерения кого-либо убить»: оно так само вышло. И вновь отклонение от нормы служит для обобщенных выводов, что распространяются и на людей, умеющих задумываться над своими действиями ещё в момент их свершения и наложить право «вето» на дальнейшие действия, как пишут те же ученые о сознании.

Когда я была еще совсем ребенком, не могу сказать возраста, то как-то смотрела по телевизору детскую сказку, где Иванушка геройски сражался со Змеем Горынычем. Я помню то чувство страха, которое заставило меня подскочить на диване и спрятаться за широкую спину отца, который сидел тут же. Наверное, я больно в него вцепилась, когда, движимая детским неумным любопытством, подглядывала за действием на экране. Реактивная установка отца была поистине скорой и впечатляющей: меня отшлепали и поставили в угол, и телевизор не выключили. Вероятно, в моём мозгу тогда много чего активировалось, но снимка компьютерной томографии нет, поэтому я могу описать только внешние и внутренние признаки своего поведения.

Во-первых, мне по-прежнему приходилось подглядывать за битвой Иванушки со Змеем, ибо любопытство – это инстинкт. Во-вторых, страх, который тоже никуда не делся, теперь нужно было стоически переживать в одиночестве, а весь кортизолик³, что продолжал выде-

³ Кортизол – гормон стресса

ляться, перенаправлялся в отшлепанное место. В-третьих, мое детское сознание, принявшееся за разглядывание угла после того, как отец-таки выключил телевизор на самом интересном месте, то есть в разгар биты, стала тревожить смутная и неявная мысль о какой-то неверности происходящего, но облечь ее в Слово мне не удалось. Вот была бы потеха, если, додумав мысль до конца, я бы повернулась к своему родителю и высказалась не только об абсурдности наказания, но также и о недостаточности уровня его осознанности, поскольку ему следовало бы с понимаем отнестись к моему детскому страху и, объяснив природу его происхождения, рассказать, что с этим делать и как жить. Однако как случилось, так случилось... А как случилось?

Во-первых, на инстинктивном уровне я поняла, если показывать страх, то можно получить и по попе. Во-вторых, страх никуда не уходит, даже если ты уже получил своё, поэтому логично его не показывать – может и не получишь тогда. В-третьих, во мне так и осталась нерешенной задачка: победил ли Иванушка? И это неудовлетворенное любопытство оказалось самой сильной эмоцией, потому что уже в полусознательном возрасте я снова увидела эту сказку, но ровно с того момента, когда Иванушка бился со Змеем и, досмотрев битву до конца, удивилась сама себе: современные Телепузики или Смешарики выглядят куда более устрашающе, чем Змей Горыныч в советской анимации. Однако я также продолжала помнить и свое детское впечатление от Змея, усиленное благодаря страху: он представлялся мне живым и совершенно реальным, то есть настоящим, как и мой страх. В-четвертых, осталось ощущение нечто смутного, что я не сумела выразить: и это была Мысль как одна из первых химических реакций, запечатленных мной на сознательном уровне, Мысль как нечто большее нежели просто – Я. В моей памяти живы фрагменты окна, дивана, ковра на стене, телевизора, Змея, угла, каких-то голубеньких обоев с рисунком, своего пальца, которым я вожу по стене, и чего-то смутного, что не вмещается в меня. Нет, попа у меня тогда не болела, мой отец не садист, я вообще не помню боли, только смутное нечто в грудной клетке, палец, обои... и снова забвение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.